

A hand is shown holding a large, multi-faceted diamond. The diamond is the central focus, emitting a bright white light from its center. The facets of the diamond are illuminated with various colors, including blue, green, purple, and red, creating a vibrant, rainbow-like effect. The background is dark, making the glowing diamond stand out prominently.

ЗАТИСКИ
БЕЗУМЦА

АНЖЕЛ ВАЙЛД

18+

Энжел Вайлд

Записки Безумца

<https://litres.ru/74025599>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир Астэрн пронизан магией и тайнами, одна из которых — личный дневник одного старика, что живет в империи Сандао.

"Сейчас для всех я — Безумец, старик, что сошел с ума, но эти записи — не дают мне покоя. Почему я не помню этого? Что со мной произошло? Быть может, я написал это в пьяном бреду?"

История предлагает вам погрузиться в абсолютно новый фэнтэзи мир Астэрн, со своими необычными городами и империями, мифологией и легендами, все это раскрывается через череду небольших записок из личного дневника Безумца.

ВНИМАНИЕ: в тексте могут присутствовать сцены насилия, смерти, а также упоминания употребления алкоголя и табака.

Содержание

Дневник, что я обнаружил в столе	4
Запись первая	5
Запись вторая	6
Запись третья	7
Запись четвертая	9
Запись пятая	13
Запись шестая	16
Запись седьмая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Энжел Вайлд

Записки Безумца

Дневник, что я обнаружил в столе

Среди пыльных вещей в старом столе я обнаружил дневник. Читаю — и не могу припомнить, чтобы всё описанное в нем происходило на самом деле.

Моей целью всегда был поиск Божественного следа, так я назвал частичку, что оставляют после себя боги, спускаясь в наш мир, я путешествовал, наблюдал, расспрашивал, изучал. За это меня и прозвали Безумцем — стариком, сошедшим с ума.

Однако этот дневник не дает мне покоя. Он утверждает, что сперва меня называли Безумцем, потом Наблюдателем, Монахом и в конце — Посланником богов.

Почему я забыл? Что со мной произошло? Или... я написал это в пьяном бреде — и теперь пытаюсь выдать за действительность то, чего не было на самом деле?

Запись первая

Мать моя заболела еще года два назад. Она на протяжении нескольких лет молила богов положить конец ее мукам. И вот, два дня назад, они услышали ее мольбы.

В тот день мать бредила, говорила мне, что видит Мортэма — Бога смерти. Тогда я не придавал этому значение и продолжил перебирать свои записи. Она уверяла, что он приходил к ней, сказал, что на меня возложена важная миссия.

По ее щекам текли слезы, а я лишь взял со стола стакан воды и таблетки, чтобы дать их ей. «Я не схожу с ума!» — кричала она, отталкивая мои руки. Но в итоге сдалась: взяла стакан и таблетки. Я вытер ее слезы и поцеловал мать в щеку. «Он сказал, что ты станешь проводником духов, а люди провозгласят тебя *Посланником богов*» — это были ее последние слова.

Теперь же я стоял у могильного камня. По моим щекам стекали ручейки слез, а в голове крутился лишь один вопрос: «Действительно ли ты приходил к ней, Мортэм?».

Запись вторая

Со дня смерти матери прошло несколько месяцев. Когда я в очередной раз возвращался домой с работы, я услышал залиvistый смех. Не знаю, что заставило меня пойти на звук, интерес, или нежелание возвращаться домой, но, в попытке найти его источник я долго петлял меж домов.

Возле одного из пабов сидела маленькая бледная девочка с черными как смоль волосами. Она смотрела в окно, взмахиwали тоненькими пальчиками и звонко смеялась. А в пабе, в такт взмахам её пальчиков, бросались друг на друга двое мужчин. Когда девочка заметила меня, то печально вздохнула и перевела взгляд с мужчин.

Имени своего она не назвала, лишь протянула мне старинный фолиант со словами: «Тебе велели передать оттуда, *Посланник*». Она ткнула своим тоненьким пальчиком в небо. Стоило мне взять из ее рук фолиант как вновь раздался звонкий смех, и девочка растворилась на глазах. Это можно было бы принять за галлюцинацию, но фолиант говорил об обратном.

Придя домой я решил рассмотреть книгу. Старая кожаная обложка была потрепана, страницы пожелтели, а некоторые и вовсе были пустыми. Содержание книги состояло из мифов и легенд, львиная доля которых посвящалась Богам. Очередной бред!

Запись третья

Я стоял на дороге перед домом и наблюдал, как яркое пламя пожирает его. Маги напряженно переглядывались, стараясь потушить пламя, но все было тщетно. Они, как и я, понимали — это необычный пожар. В пламени было что-то чужеродное, какая-то неведомая сила.

В итоге дом сгорел дотла. В нем не уцелело ничего — кроме одной вещи: старого фолианта, который теперь лежал в моей сумке.

Соседи предложили мне пожить у них: монет на комнату в таверне мне все равно не хватило бы, поэтому я согласился. Рэн и его жена Юна встретили меня улыбками, но в их взглядах читалось что-то жуткое. Рэн за ужином периодически бросал косые взгляды на мою сумку, несколько раз предлагал взять ее. Юна в свою очередь, словно невзначай, расспрашивала о книге.

Ночью, уже в выделенной мне комнате, я вдруг услышал тихий шорох у двери. Они вошли вместе: хозяин впереди, с топором в руках, хозяйка держалась позади. Они хотели убить меня!

Повезло, что я не спал. На мгновение Рэн замер, увидев фолиант в моих руках, а затем с диким криком «Отдай книгу!» бросился вперёд. Не раздумывая, я прижал к себе фолиант, схватил сумку, что лежала рядом, подбежал к окну и,

не теряя ни секунды, выпрыгнул. Под окном стоял старый сарай — я приземлился на его крышу и скатился по ней на землю.

Фолиант я быстро убрал в сумку: так бежать было удобнее. Я мчался сквозь город, но сколько бы людей не попадалось на пути, каждый, точно обезумев, бросался ко мне, пытаясь вырвать сумку. Что случилось с этим городом, почему всем понадобилась моя сумка, или то, что лежало в ней?

Наконец я остановился на краю обрыва, о который мерно разбивались волны. Берег Астилло стал тем местом, где я наконец смог выдохнуть.

Запись четвертая

С момента моей предыдущей записи прошёл месяц. Всё это время я изучал содержание фолианта. То, что в нём записано, едва ли можно назвать легендами: подобные истории не встречаются ни в одной из известных книг. Тексты представляют собой детальное описание событий с момента сотворения мира: как Аврора, Богиня жизни, создала идеальный мир, который познал смерть с приходом в него Мортэма; как появились Леора и Джемиша — дочери первородных, олицетворяющие добро и зло; как Мортэм создал Камиэля — повелителя войн, и как возникли духи.

Слепо верить всему, что написано, я не мог. Чтобы убедиться лично, решил отправиться в Морозный лес — место, которое чаще других встречалось в древних текстах. Он находится на восточном побережье северной империи Никскор, у стен военного города Альбо. По легенде в нем обитает большое количество духов, главным из которых является дух оленя.

Путь до Альбо оказался наиболее удобным, и вот теперь я на борту корабля. Он покачивается на волнах, пересёк Жемчужное море и океан Этернис — и вот, наконец, входит в Северный океан.

Берег Альбо показался примерно через час после того, как корабль пересёк границу океанов. Меня удивило, что во-

ды океана, несмотря на сильные морозы, не были покрыты льдами. Интересно, это особенность местных земель или заслуга правителей? А может, и то и другое?

Порт бурлил жизнью: люди сновали туда-сюда, раздавались крики грузчиков, скрип деревянных телег и гул разговоров. Альбо не был похож на столицу империи Сноухард или портовый город Никсанджел. Здания здесь выглядели сурово, напоминая каждому: «Не забывай — это военный город».

Пока я шёл по улицам, всё сильнее ощущал: передо мной не просто город, а одна большая крепость — впрочем, так оно и было. Город окружен стеной из серого кирпича, а в военное время сюда эвакуировали почти все население империи.

К Морозному лесу, расположенному за городской стеной, я вышел вечером. Его гигантские деревья возвышались надо мной, как древние стражи. Но больше всего поражала тишина. Морозный лес словно замер, настороженно, следя за каждым моим шагом. Здесь было так тихо, что, казалось, я уловил звук снежинки, опустившейся на ветку ели.

Я бродил по лесу долго, всё больше убеждаясь, что написанное в книге — ложь. Надежда таяла с каждым шагом. Но когда я, окончательно отчаявшись, вышел к берегу ледяного озера, в тот самый миг, когда серебряный диск луны достиг середины неба и вспыхнули звёзды, я увидел нечто по-настоящему волшебное.

В центре замерзшего озера, ледяная гладь которого пе-

реливалась розовыми, зелеными и голубыми оттенками, появившегося из ниоткуда, северного сияния и, точно зеркало, отражала звездное небо, стоял олень. Его белое одеяние было похоже на пушистый снег, а изящные ветвистые рога едва тронуты серебром инея. Олень спокойно прислушивался к окружающим звукам, он не боялся грозного, серого волка, что стоял на одном из берегов озера, несмотря на то, что тот скалился и облизывал обнаженные клыки. Вот он — хозяин этого места, о котором неоднократно упоминалось в текстах фолианта! Ни одно существо, живущее в Морозном лесу, не посмеет подступить к нему.

Вдали меж деревьев мелькнула рыжая шубка лисицы. Она точно вспыхнувший огонек ярко выделялась на фоне заснеженного леса. Олень лениво повернул свою голову. Рыжая плутовка ловко запрыгнула на один из валунов, гордо села, прикрыв пушистым хвостом лапы, и подняла голову вверх — к бездонному небу.

Олень опустил голову. Он стоял в центре замерзшего озера, ледяная гладь которого отражала мягкие переливы северного сияния и мерцающие в небе звезды.

Когда под моими ногами хрустнул снег, хозяин дернул ухом и резко поднял голову. Теперь он смотрел на меня. Волк уловил это движение, зарычал и бросился в мою сторону. Я же замер от ужаса.

Когда волк приблизился, передо мной мелькнула белоснежная шерсть оленя. Зверь резко остановился и, поджав

хвост, побрел вглубь леса.

Хозяин повернул ко мне голову. Оленья окутало облако снега и вмиг он превратился в девушку! Красавица мило улыбнулась и протянула мне руку — я ответил на этот жест и она повела меня за собой, невесомо ступая по снегу. На ней было белое платье, а волосы отливали серебром — словно она сошла с полотна искусного художника.

Девушка вывела меня к выходу из леса, а перед тем, как отпустить, робко произнесла: «Я была рада увидеть тебя в моем лесу, *Посланник*. Но сюда тебе еще рано. Мы увидимся, когда придет время». После этих слов она вновь обернулась оленем и скрылась среди деревьев. А я остался стоять на месте.

Запись пятая

То, что я увидел в Морозном лесу, перевернуло мое представление о мире: духи существуют! И одного из них я видел собственными глазами — не просто услышал легенду, а стоял перед существом, которое любой человек в здравом уме счел бы галлюцинацией. Да, магия в мире тесно связана с технологиями, но божественное — не может быть реальным.

Именно поэтому в голове крутился один и тот же вопрос: не замерз ли я где-то в лесу? Возможно, я до сих пор лежал там, а все происходящее со мной сейчас — предсмертный бред.

Несмотря на происходящее, я не пытался вернуться домой из Никскора. Если это реальность и духи существуют, значит, есть и другие существа, быть может, даже боги.

В царстве льда фолиант стал моим единственным собеседником. Я изучал текст, жадно погружаясь в него, каждый день перечитывал уже знакомые страницы, пытаясь найти то, что прежде ускользало от меня. Легенды перестали быть легендами. Теперь они стали указателями на карте, доступной лишь мне.

Вскоре я начал видеть странные сны.

Сначала мне снилось бескрайнее темное море. На его берегу, выброшенные морской пучиной, лежали кости огромных созданий. Среди них раздавалось мелодичное пение су-

щества, которое в фолианте названо сиреной. Во сне я всегда шел на этот голос — и всегда погибал. Сирена разрывала меня на куски, впивалась в плоть своими клыками, утаскивала на дно под безумный хохот. Иногда я сам шел на ее зов — лишь бы песня не прекращалась. Из-за этих снов я перестал ходить к пристани, а при виде моря меня охватывал ужас.

Позже эти сны сменились другими.

Теперь я видел зал, покрытый льдами, с безликими фигурами, а в центре — девушку в белом. Она кружилась в бешеном танце, приглашая присоединиться к ней, а после шептала что-то, на непонятном языке. Однажды мне даже удалось разобрать обрывок ее фразы: «*im mortes*». Каждый раз после этих слов я просыпался — и каждый раз слышал залиvistый детский смех. Я не был уверен, что слышу его наяву.

Со временем во снах появилась девочка. Та самая, бледная девочка, что дала мне фолиант. Но больше она не казалась ребенком. Иногда девочка сидела рядом со мной и гладила по голове, словно заботливая сестра, не редко обнимала так крепко, что становилось трудно дышать. Девочка говорила: «Вестник помешает тебе. Мне так жаль». Я не понимал, о чем она говорит.

А потом старые сны вернулись — только теперь на месте сирены и танцовщицы была маленькая девочка. Она топила меня, кружила в танце, разрывала на части, шептала непонятные слова и смеялась. Всегда смеялась.

Так было до тех пор, пока я не перестал различать сон и

явь. Я видел девочку везде: на улицах Альбо, в окнах домов, среди прохожих, в тенях, слышал ее залиvistый смех, чувствовал ее взгляд. Однажды я увидел ее на страницах фолианта! После этого захлопнул книгу и не решался ее открыть. Но фолиант манил, и я вновь открыл его.

Именно тогда я увидел свой последний кошмар.

Я услышал голос в голове. Не помню, что он говорил, но отчетливо помню приказ: сжечь поселение, убить всех, не оставить никого в живых. Этот приказ я отдал людям, которые шли за мной. Мужчины и женщины, способные повелевать огнем, сразу бросились вперед — они сжигали людей заживо, а я наблюдал за происходящим.

Проснувшись, я обнаружил, что плачу. Той ночью я впервые подумал: «а что, если это были не сны». Тогда безумие могло стать далеко не самой страшной моей проблемой.

Нужно перестать читать книгу. Нет, не могу.

Запись шестая

Первый сон не покидал меня. Даже спустя месяц мучений я помнил черное море и кости, возвышающиеся над волнами. Я пытался убедить себя, что это лишь плод больного воображения, но одна деталь не давала мне покоя. Во сне я видел горные пики, что стояли у самого моря.

Вскоре мне удалось найти изображение этих гор. В тот день я решил отправиться в столицу Никскора — Сноухард. Мне было интересно увидеть императорский дворец и посмотреть на местные достопримечательности, чтобы отвлечься от кошмаров, что мучили меня. Приехав в столицу, я решил прогуляться по торговой улице, где мое внимание привлекла картина, нарисованная искусным художником: на ней, был изображен тот самый горный хребет. По словам художника, это место называется Великим горным хребтом и находится на северо-западе Никскора, на берегу Северного океана.

Вечером того же дня я услышал разговор двух аристократов: они, прогуливаясь, обсуждали бредни рыбаков. По их словам, на северо-западном побережье, у подножия Великого горного хребта, из моря время от времени выбрасывало останки исполинских существ. Рыбаки называли то место Городом мертвых китов. Это стало последней каплей.

Несмотря на то что большинство жителей считало эти ис-

тории выдумками, я все же решил отправиться туда. Путь занял чуть больше недели.

Чем дальше я уходил на север, тем меньше встречал людей, а жители деревень при упоминании побережья смотрели на меня с тревогой. Один старик даже велел мне забыть об этом месте: «Там происходит что-то страшное. Ни один из тех, кто туда отправлялся, так и не вернулся, а те, кто возвращались, были изувечены до неузнаваемости».

Я зашел к одному из вернувшихся оттуда, но обнаружил, что этот человек не мог ни разговаривать, ни слышать, а его родные рассказали, что он вырвал себе язык по возвращении домой.

На одиннадцатый день я наконец увидел океан. Он оказался не таким, каким являлся мне во сне: никакой темной глади, лишь покой и холодный ветер. Признаться, я разочаровался, но потом увидел кость. Она лежала среди прибрежных скал — я принял ее за обломок корабля.

Это был позвоночник. Дальше виднелись белые, точно арки разрушенного храма, ребра. Череп одного из китов был наполовину погребен под камнями, водорослями и снегом. Некоторые из черепов были настолько велики, что под ними можно было обустроить жилище.

Я бродил среди костей до самого вечера и пытался найти что-то про этих существ в фолианте. Но в нем не было ни одной записи о них.

Больше всего меня удивляло то, что кости были хоро-

шо сохранившимися. Словно смерть настигла этих существ здесь, на берегу, либо около него. Останки не были потрескавшимися, и, что еще удивительнее, они были идеально чистыми: ни кожи, ни плоти. Точно их обглодали и выбросили на берег.

Когда солнце начало опускаться, я решил остаться на побережье. Лагерь пришлось разбить прямо среди останков. Больше мне не было страшно. Здесь, сидя около костра среди останков, я впервые за месяц ощутил спокойствие, словно наконец оказался там, где должен быть.

Ночь наступила незаметно: ветер стих, а океан стал еще тише. Я уже хотел ложиться спать, как вдруг услышал протяжную, мягкую песню. Она доносилась со стороны моря. Я замер. Песня была прекрасна настолько, что по моим щекам потекли ручейки слез. Все внутри отзывалось забытыми воспоминаниями, будто я слышал эту песню еще до рождения. Она становилась все громче — я поднялся и пошел к берегу. Разум велел остановиться, но я не мог.

«Если песня стихнет до того, как я найду источник, то потеряю нечто бесконечно важное», — пронеслось в голове. Вскоре я оказался у самой воды. Теперь непонятные слова песни были отчетливо слышны: *«mare agitatur semel, mare bis agitatur, mare ter agitatur — tempus non erit excitare»*.

Я сделал еще один шаг в воду. И тут увидел, как сбоку от меня нечто нырнувшее в воду. Оно было одновременно слишком далеко, чтобы рассмотреть его, и слишком близ-

ко, чтобы списать на игру воображения. Песня резко оборвалась. Вновь силуэт показался уже вдали, над водой. Он парил без крыльев, едва касаясь водяной глади; теперь я мог уверенно сказать, что это был человек. Мир замер, а потом силуэт исчез — и сразу же поднялся ветер, а океан ожил.

Я постоял так еще несколько минут в ожидании продолжения песни, но так и не услышал ее. А когда вернулся к костру, обнаружил раскрытый фолиант. Я был уверен, что книга была закрыта. Поэтому сразу схватил ее, жадно вчитываясь в текст на открытых страницах. Внизу аккуратно была оставлена подпись: «Не следуй за песней вновь».

Я не помню, как уснул, но утром обнаружил свои следы, уходящие в море и обрывающиеся у самой воды.

Запись седьмая

Плохо помню, как оказался в горах. Последнее, что я помню — побережье. Я сидел среди костей мертвых китов и листал фолиант, а затем потерял сознание; очнулся уже в горах.

Вокруг возвышались пики Великого горного хребта. Ветер выл между ними, поднимал снег, больно бил в лицо. Вокруг не было ничего: ни дороги, ни следов, ни каких-либо признаков того, что я сам пришел сюда. Не было здесь и лошади, на которой я путешествовал по землям Никскора. Все, что у меня сейчас было — потрепанная сумка, в которой лежал фолиант.

Несколько часов я бродил по горам, пока не заметил ледяные шпильки. Сперва мне показалось, что это просто глыбы льда, но чем ближе я подходил, тем отчетливее виднелось строение. Это был ледяной храм. Он был высечен прямо в горе и почти полностью скрывался подо льдом.

Тяжело сказать, что именно заставило меня войти в него: любопытство, страх или что-то свыше. За массивными дверьми меня встретила тишина — кажется, я смог услышать собственное дыхание.

Мороз здесь ощущался сильнее, чем снаружи. Он проникал под одежду, пронизывал до костей, но холод не пугал меня так, как пугало ощущение чужих взглядов. Казалось, за мной наблюдают со всех сторон.

Я стоял в длинном коридоре. Вдоль его стен стояли искусно высеченные безликие фигуры, заменяющие собой колонны, в длинных балахонах. В руках они держали фонари, свисающие на тяжелых цепях. Внутри каждого фонаря горел голубой огонь. Я медленно шел меж статуй. Безликие фигуры не имели глаз, и все же я чувствовал их липкие взгляды до тех пор, пока не открыл дверь в огромный зал.

В центре этого зала стояла девушка. Она была прекрасна: белые волосы, мягко спадающие на плечи, золотые глаза, белоснежное платье, что струилось до пола, а на поясе висели странные золотые амулеты. В ее необычайной красоте было и что-то нечеловеческое.

Неожиданно храм наполнила тихая мелодия. Я не видел музыкантов, не видел инструментов, но музыка звучала. С первыми ее нотами девушка начала танцевать. Ее движения были свободными и одновременно невероятно точными. Она плавно поднимала руки, медленно поворачивалась, изгибалась в такт мелодии. Казалось, что танец и есть источник волшебного звука.

Девушка постепенно набирала скорость, танец подходил к концу, а я не мог оторвать от нее взгляд. Сейчас меня не волновало ничего, кроме этого дивного танца. И вот девушка остановилась и посмотрела на меня. Она улыбнулась мягко, почти ласково, после чего протянула руку. Я сделал шаг ей навстречу, и в эту же секунду по залу прокатился громкий детский смех.

Безумный, звонкий смех звучал со всех сторон. Казалось, смеялся сам храм. Мелодия оборвалась, а девушка вздрогнула. На ее лице появилось беспокойство, а затем она исчезла. Так просто взяла и растворилась в воздухе, оставив меня один на один с детским смехом.

Я резко обернулся: между безликих колонн что-то мелькнуло. Это была маленькая фигура с бледной кожей, темными волосами и босыми ножками. Сердце пропустило удар. Это была та самая девочка! Та, что отдала мне фолиант и приходила ко мне во снах, та, что мерещилась мне везде, но только в этот раз живая, а не просто плод больного воображения!

Она снова пробежала меж колонн, громко шлепая босыми ногами по каменному полу, и снова засмеялась. Я бросился следом. Мне нужно найти ее, столько всего узнать и понять.

Я бежал за ней по бесконечным коридорам храма. Смех то становился ближе, то отдалялся, то стихал. Я видел силуэт, мелькающий меж колонн, пока смех не оборвался, а я не вбежал в небольшую комнату. Возле стены стояло высокое черное зеркало. Оно было покрыто тонким слоем инея. Девочки нигде не было, зато в зеркале был я.

Точнее, не совсем я. Человек в черных одеждах стоял и гордо смотрел на меня. Таким я видел себя впервые: жесткое лицо, холодный взгляд, прямая осанка, довольный оскал. Это был я, но старше, грубее, жестче. Его губы шевельнулись, и, несмотря на разделяющее нас стекло, я услышал свой грубый голос: «Ты уже сделал это и сделаешь вновь.

Мир будет гореть во благо».

По поверхности зеркала побежали десятки трещин, из них вырвался ледяной ветер, а вместе с ним и сотни голосов, что молили о пощаде, кричали, выли. Я увидел огонь, горящие дома, людей... и там, среди этого хаоса, я увидел себя.

После этого я вновь потерял память и очнулся уже у подножия гор, рядом с костями и лошадью. И вот опять мне неизвестно, как я оказался здесь, но теперь я хотел прекратить изучение фолианта и вернуться домой. Я хочу сжечь книгу, спрятать ее как можно дальше и жить так, будто ничего этого никогда не происходило.

Если увиденное в зеркале — правда, то я не хочу стать тем человеком, которого увидел в зеркале. Я боюсь себя и своего будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.